

Глава 8

Воспитание наследника

11 октября 1717 года Петр возвратился в Санкт-Петербург. «Две принцессы, его дочери [Анна и Елизавета, тогда девяти и восьми лет], ожидали его перед дворцом, одетые в испанские костюмы, – доносил в Париж г-н де Лави, французский консул, – а его сын, юный принц Петр Петрович, встречал его в своей комнате, где катался на крохотном исландском пони». Но радость царя от встречи с детьми вскоре померкла. В его отсутствие Россией руководили кое-как. Во всеобщей халатности, зависти, продажности, как в болоте, увязла и едва не захлебнулась система управления, которую он пытался создать. Люди, поставленные во главе государства, ссорились между собой, как дети, и сваливали друг на друга политические и финансовые промахи. Петр погрузился в эту неразбериху и пытался навести хоть какой-то порядок. Ежедневно с шести утра он созывал Сенат и сам заседал в нем, выслушивая обвинения и оправдания тяжущихся сторон. Наконец, уяснив, что жалобы слишком всеохватны и что коррупция пустила слишком глубокие корни, царь создал особые комиссии по расследованию. Каждая состояла из майора, капитана и лейтенанта – гвардейцев, на которых возлагалась задача рассматривать дела и вершить суд согласно «здравому смыслу и справедливости». «И так повелось в России, – писал Вебер, – что члены почтенного Сената, куда входили главы знатнейших родов из всех царских владений, были обязаны являться к какому-то лейтенанту, который судил их и требовал у них отчета».

Но эти суды были лишь прелюдией. Над будущим созданной Петром России нависла беда пострашнее: именно тогда Петр оказался вынужден принять окончательное решение по делу сына, царевича Алексея.

* * *

Алексей родился в феврале 1690 года, вскоре после женитьбы восемнадцатилетнего Петра на кроткой, унылой, нелюдимой Евдокии. Петр был невероятно горд рождением сына и устраивал при дворе пиры и фейерверки в честь новорожденного царевича. Но шли годы, и царь редко виделся с сыном. Поглощенный строительством кораблей, Лефортом, Анной Моне, Азовскими походами и Великим посольством, Петр оставлял Алексея с Евдокией. Навестить сына означало наверняка столкнуться с его матерью, которой царь открыто пренебрегал, а поэтому он предпочитал избегать обоих. Естественно, Алексей чувствовал, что между родителями непреодолимая пропасть и что отец в душе воспринимает его как одно целое с матерью. Так в самые ранние годы, когда формировался характер царевича, Алексей улавливал исходившее от Петра недовольство и привыкал видеть в нем опасную, а может быть, и враждебную силу. Находясь под влиянием матери, он невольно принимал ее сторону и усваивал ее образ жизни и мыслей.

А потом, когда Алексей был худеньким лобастеньким восьмилетним мальчиком с темными серьезными глазами, Петр взял и разбил на куски его маленький мир. В 1698 году, приехав с Запада подавлять стрелецкое восстание, Петр отправил Евдокию в монастырь. Алексея поместили в петровском доме в Преображенском и вверили попечению тетки, сестры Петра, царевны Натальи. Его образование, до сих пор сводившееся в основном к чтению Библии и другим религиозным занятиям, отдали в руки Мартина Нейгебауэра из Данцига – этого учителя рекомендовал Август Саксонский. У Нейгебауэра был типично немецкий склад характера, с любовью к организованности и исполнительности, который пришел в столкновение с русским духом. Существует история, как однажды за столом собрались двенадцатилетний царевич, Нейгебауэр, бывший учитель царевича Никифор Вяземский и Алексей Нарышкин. Они ели курицу, и царевич, доев один кусок, взял следующий. Нарышкин сказал, что следует сначала очистить свою тарелку, выложив с нее обглоданные кости обратно на блюдо, на котором подавалось кушанье. Шокированный Нейгебауэр заявил, что это невоспитанность. Алексей посмотрел на Нейгебауэра и что-то

шепнул Нарышкину. Нейгебауэр сказал, что и шептаться – тоже неприлично. Оба учителя принялись переругиваться, и наконец Нейгебауэр взорвался: «Все вы тут ничего не понимаете! Вот увезу царевича за границу, а уж там-то я знаю, как быть». Он кричал, что все русские варвары, собаки и свиньи и он будет требовать, чтобы от царевича удалили всю русскую челядь. Потом бросил нож и вилку и пулей вылетел из комнаты. Однако удалили как раз Нейгебауэра. Он не сумел найти себе применения в России, вернулся в Германию, стал секретарем короля Швеции Карла XII и многие годы служил Карлу советником и специалистом по русским делам.

На место Нейгебауэра Петр по совету Паткуля выбрал германского доктора права, Генриха фон Гюйссена. Тот представил план обучения будущего царя, и Петр его одобрил. Алексею следовало изучать французский и немецкий языки, латынь, математику, историю и географию. Он должен был не только штудировать Библию, но и читать иностранные газеты. В свободное время ему надлежало рассматривать атласы и глобусы, осваивать математические приборы и упражнять тело фехтованием, танцами, верховой ездой и всяческими играми с мячом. Алексей был умен, и дело шло хорошо. В письме к Лейбницу Гюйссен сообщал: «Принцу не занимать ни способностей, ни быстроты ума. Его честолюбие умеряется разумом, трезвостью суждений и большим желанием отличиться и достичь всего, что подобает великому монарху. По природе он прилежен и уступчив и стремится усидчивостью восполнить пробелы в своем образовании. Я замечаю в нем огромную тягу к набожности, справедливости, честности и благонравию. Он любит математику и иностранные языки и проявляет большое желание побывать за границей. Он хочет в совершенстве овладеть французским и немецким языками и уже начал получать уроки танцев и воинских искусств, которые доставляют ему большое удовольствие. Царь позволил ему не слишком строго соблюдать посты из опасения, что они нанесут ущерб здоровью и телесному развитию, но царевич из благочестия отказывается от всяких поблажек в этом деле».

В эти подростковые годы на Алексея оказывал влияние и Меншиков, назначенный официальным воспитателем царевича в 1705 году. В обязанности Меншикова входил общий надзор за его обучением, денежным содержанием и вообще за подготовкой наследника к трону. Многим этот малограмотный поверенный в любовных и военных делах Петра казался странным кандидатом в руководители и наставники наследника. Но Петр только потому и выбрал своего друга, что они были так близки. Царь остался недоволен плодами лет, проведенных его сыном с матерью, и с подозрением относился к иностранным воспитателям, окружавшим мальчика. Петр хотел, чтобы за подготовкой царевича, которому суждено взойти на трон, наблюдал кто-то из преданных людей, ближайший товарищ, человек, разделявший мысли царя, облеченный полным его доверием. Но Меншиков, как и Петр, почти все годы юности Алексея провел вдалеке от него, находясь при армии, так что обязанности наставника светлейший выполнял в основном на расстоянии. Ходили рассказы о грубом обращении его со своим подопечным даже при редких встречах. Австрийский посланник Плейер сообщает (хотя свидетелем тому не был) о случае, когда Меншиков таскал Алексея по земле за волосы, а Петр невозмутимо смотрел на это. Посол Уитворт описал для лондонских властей более благопристойную сцену: Меншиков давал обед в честь наследника, «высокого красивого принца лет шестнадцати, который говорит довольно хорошо на верхненемецком языке». Если познакомиться с письмами Алексея к Меншикову, нельзя не почувствовать, что мальчик глядел на грубого человека, поставленного над ним волею отца, с трепетом, смешанным с отвращением. Позже царевич обвинял Меншикова во многих своих недостатках и после окончательного разрыва с Петром, когда он просил убежища в Вене, утверждал, что Меншиков его спаивал и даже пытался отравить.

Разумеется, дело было не в Меншикове, а в Петре. Как обычно, Меншиков лишь отражал позицию и волю своего повелителя. А позиция Петра была удивительно противоречивой. Минутная его гордость царевичем сменялась долгим периодом равнодушия к сыну. Потом вдруг возникало требование, чтобы царевич немедленно присоединился к

отцу и участвовал в каком-нибудь деле, важном для воспитания наследника престола. В 1702 году, отправляясь в Архангельск с пятью гвардейскими батальонами на защиту порта от предполагаемого нападения шведов, Петр взял с собой двенадцатилетнего Алексея. При осаде Ниеншанца, когда разжалась хватка шведов, удерживавших устье Невы, тринадцатилетний Алексей был назначен бомбардиром в артиллерийский полк. Годом позже Алексей присутствовал при штурме Нарвы.

Подобно многим волевым людям, собственными силами и заслугами снискавшим уважение, успех и всеобщее восхищение, Петр пытался заставить сына пойти по его стопам. Увы, если отец, подобно Петру, движим могучим чувством долга и верой в собственное предназначение и жаждет привить ту же целеустремленность сыну, он нередко взваливает на неокрепшую душу такое бремя, что она попросту не выдерживает этой сокрушительной тяжести.

Занятия царевича, как мы уже видели, часто и надолго прерывались – то Архангельск, то Ниеншанц, то Нарва. А потом, в 1705 году, наставник царевича Гюйссен был отправлен за границу с дипломатическим поручением, которое на три года удалило его из России. В это время, когда и отец, и воспитатель, и учитель были в длительных отлучках, никто не обращал на царевича особого внимания.

Поразительно, что наследник Петра воспитывался таким образом. Царь остро ощущал пробелы в собственном образовании и всю жизнь изо всех сил старался их восполнить, поэтому можно было бы ожидать, что он уделит пристальное внимание развитию сына, чтобы наверняка вырастить себе преемника, способного завершить начатое. На деле же в течение юности и ранней молодости Алексея Петр прежде всего стремился приучить сына к воинским трудам. Повозив его с собой по походам и осадам, он стал поручать ему самостоятельные задания. В 1706 году, шестнадцати лет, Алексея послали на пять месяцев в Смоленск собирать провиант и рекрутов для армии. По возвращении в Москву он получил новый приказ – позаботиться об оборонительных укреплениях города. Семнадцатилетний царевич исполнял приказ безо всякого рвения. Он признался своему духовнику протопопу Якову Игнатьеву, что сомневается, есть ли смысл вообще укреплять Москву. «Если цареву войско не сможет удержать шведов, – вздыхал он, – то и Москва их не остановит». Петр услышал об этом замечании и пришел в ярость, хотя, узнав, что оборонительные сооружения все-таки были укреплены, смягчился.

К несчастью, как ни старался Петр, ему так и не удалось заинтересовать сына военным делом. Алексей обычно проявлял нежелание или неспособность выполнять военные поручения. И наконец Петру все это опротивело; к тому же он должен был поспевать за колесом войны, которое вращалось все быстрее, – и царь перестал заниматься сыном и предоставил ему жить, как он хочет, в Москве и в Преображенском. Эта передышка обрадовала царевича. Он любил Москву. Тихий юноша, исполненный пылкой веры, и старый город с бесчисленными соборами, церквами и монастырями, в которых сияли золото и драгоценности и жили история и легенды, прекрасно подходили друг другу. В старой столице, которая все пустела с оттоком жителей в Санкт-Петербург, Алексей оказался в обществе тех людей, кто предпочитал старые порядки и страшился реформ и нововведений Петра. Здесь жили Милославские, не забывавшие ни своей сестры Софьи, которая умерла в заточении в 1704 году, ни сестры Марфы, умершей в монастыре в 1707 году. Здесь жили и Лопухины, братья и родные матери Алексея, отвергнутой Евдокии, которые видели в Алексее свой шанс вернуться когда-нибудь к власти. Здесь же были сосредоточены старые аристократические семейства, негодовавшие на то, что их обошли в пользу всяких иностранцев и русских выскочек. А главное, здесь находилось старое православное духовенство, считавшее деяния Петра делом рук Антихриста, а в Алексее, наследнике, видевшее последнюю надежду на спасение истинной веры в России.

Главой тесного кружка церковников, сплотившегося вокруг царевича, был духовник Алексея Яков Игнатьев. Он приехал из Суздаля, где томилась в монастыре царица Евдокия. Протопоп поддерживал связи с бывшей царицей и в 1706 году повез шестнадцатилетнего

царевича повидаться с матерью. Узнав об этом от сестры, царевны Натальи, Петр разгневался на Алексея и предостерег, чтобы он не вздумал еще раз поехать к матери.

Игнатьев поощрял интерес Алексея к православной религии, но поддерживал и некоторые другие его склонности. Ибо как ни отличался Алексей от Петра во многих отношениях, в одном он походил на отца: царевич любил выпить. Вместе с Игнатьевым, несколькими монахами и священниками царевич составлял «компанию» наподобие ближнего кружка времен юности Петра – с иными политическими взглядами, но с той же любовью к попойкам и кутежам. Подобно петровской компании, в кружке Алексея установились свои обычаи и правила: у каждого было прозвище, например Ад, Благодетель, Сатана, Молох, Корова, Иуда, Голубь. Они даже придумали секретный шифр для переписки.

Осенью 1708 года Петр приказал сыну набрать в Подмоскovie пять полков и как можно скорее привести их на Украину. Алексей послушался и к середине января 1709 года доставил солдат к Петру и Шереметеву. Как раз в это время ударили самые свирепые морозы за всю ту зиму, холоднее которой никто не мог припомнить, и царевич, выполнив свое поручение, заболел. Состояние его было тяжелым, поэтому Петр, собравшийся было в Воронеж, задержался на десять дней, пока опасность для жизни сына не миновала. Оправившийся от болезни Алексей приехал к Петру в Воронеж и оттуда вернулся в Москву. Он пропустил Полтавскую битву, но когда пришли новости о великой победе, Алексей занялся устройством триумфальных торжеств и выступал как хозяин на праздновании победы.

* * *

После Полтавы Петр принял два решения, касавшиеся сына: царевич должен получить европейское образование и европейскую жену. То и другое должно было помочь отвратить его от старомосковской жизни, которая все сильнее затягивала его. В свое время престарелая австрийская императрица, сохранившая приятные воспоминания о визите Петра в Вену, уговаривала прислать Алексея к ней, чтобы она позаботилась о его образовании. Они с императором обещали относиться к царевичу как к собственному сыну. Этот проект не осуществился, зато принесло плоды другое давнишнее обещание. Двенадцать лет назад, когда Петр впервые встретился с Августом Саксонским, курфюрст заверял царя, что готов проследить за образованием его наследника. Теперь, когда Алексею исполнилось девятнадцать, Петр вспомнил об обещании Августа и послал сына в прекрасную столицу Саксонии, Дрезден, учиться под присмотром семьи курфюрста.

Брак царевича также имел отношение к Саксонии. Давным-давно Петр решил вступить в союз с какой-нибудь могущественной германской династией, женив сына на немецкой принцессе, и после долгих переговоров выбор остановили на Шарлотте Вольфенбюттельской. Ее семья имела превосходные связи, так как представляла собой ветвь ганноверского дома. К тому же сестра Шарлотты, Елизавета, была выдана за эрцгерцога Австрийского Карла, в то время претендовавшего на испанский трон и впоследствии ставшего императором. А так как Шарлотта жила при саксонском дворе под бдительным присмотром своей тетки, польской королевы, то оба замысла – относительно обучения и женитьбы Алексея – сошлись в Дрездене. Шарлотте было шестнадцать лет. Это была высокая, некрасивая девица, наделенная, однако, юной, ласковой прелестью и воспитанная в манерах и обычаях западного двора. И Петр надеялся, что когда Алексей сблизится с утонченной принцессой, то он попадет под ее благотворное влияние и отойдет от примитивной компании, с которой долгое время водился.

Алексей знал, что переговоры ведутся и что отец хочет женить его на иностранке. Зимой 1710 года по велению Петра царевич выехал в Дрезден, затем проследовал на воды в Карлсбад и там, в небольшом местечке, впервые повстречался со своей предполагаемой невестой, принцессой Шарлоттой. Знакомство прошло удачно. И Алексей, и Шарлотта, понимали цели этой встречи – в те времена браки, устраивавшиеся ко взаимной выгоде сторон и без учета желаний будущих супругов, были в порядке вещей, – и ни один из них не

пришел в отчаяние при виде другого. Алексей в письме к своему духовнику Игнатьеву писал, что Петр спрашивал его, как ему понравилась невеста: «Я уже известен, что он не хочет меня женить на русской, но на здешней, на какой я хочу. И я писал, что когда его воля есть, что мне быть на иноземке женатому, и я его воли согласую, чтоб меня женить на вышеписанной княжне, которую я уже видел, и мне показалось, что она человек добр и лучше ее здесь мне не сыскать. Прошу вас, пожалуй, помолись, буде есть воля Божия, чтоб сие совершил, а буде нет, чтоб разрушил, понеже мое упование в нем, все, как он хочет, так и творит, и отпиши, как твое сердце чует о сем деле».

Со своей стороны, и Шарлотте понравился царевич, и она сказала матери, что он показался ей разумным и учтивым и что для нее большая честь быть избранной в жены царскому сыну. Наконец ухаживание дало желанный результат: Алексей дважды ездил в Торгау и на второй раз официально попросил руки Шарлотты у польской королевы.

Свадьбу отложили до приезда Петра. А пока Алексей оставался в Дрездене и получал там образование – такое западное, что даже его отец не мог бы желать лучшего. Он брал уроки танцев и фехтования, у него развились способности к рисованию, усовершенствовались познания в языках – французском и немецком. Он охотился за книгами, покупал старинные гравюры и медальоны, чтобы увезти с собой в Россию. Но царь, конечно, меньше бы радовался, если бы узнал, что сын зачитывается книгами по истории церкви, интересуется взаимоотношениями между властью мирской и духовной, спорами между церковью и государством. И вообще, весь период своего европейского обучения, исполняя западные танцевальные па и упражняясь с рапирой, Алексей глубоко кручинился, что не может беседовать с каким-нибудь православным священником. В письме к Игнатьеву он просил его прислать священника, «кому мочно тайну сию поверить, не старого и чтоб незнаемый был всеми. И изволь ему сие объявить, чтоб он поехал ко мне тайно, сложа священнические признаки, то есть обрил бороду и усы, такожде и гуменца [темя, выстригаемое у священника при посвящении] заростить или всю голову обрить и надеть волосы накладные, и, немецкое платье надев, отправь его ко мне курьером (такого сыщи, чтоб мог верховую нужду понести); и вели ему сказываться моим денщиком, а священником бы отнюдь не назывался, а хорошо б безженной, а у меня он будет за служителя... А бритье бороды не сомневался бы он: лучше малое преступить, нежели души наши погубить без покаяния».

Игнатьев отыскал и прислал священника, который не только мог исповедать царевича, но и разделил с царственным студентом и его маленькой русской компанией их ежевечерние возлияния. Во время одного из них Алексей нацарапал очередную цидулку Игнатьеву: «Почтеннейший отче, привет тебе. Желаю тебе очень долгой жизни, чтобы мы увиделись в радости и в скором времени. На это письмо пролито вино, чтобы, получив его, ты жил хорошо и пил крепко и помнил о нас. Дай Бог, чтобы исполнились наши желания скоро встретиться. Все здешние православные христиане тут подписались, Алексей-грешник, священник Иван Слонский, и печати приложили чашами и стаканами. Мы устроили этот пир за твое здоровье, не немецким манером, а на русский лад».

В конце письма Алексей сделал уже совсем неразборчивую приписку и в ней просил у Игнатьева прощения, если письмо окажется неудобочитаемым, потому что когда он писал, то все кругом, не исключая и его, были пьяны.

* * *

Алексей был в Дрездене, когда с отцом приключилось несчастье на Пруте, но Петр скоро оправился от этого удара и продолжал осуществлять все свои планы, в том числе относительно свадьбы сына с принцессой Шарлоттой, которая и состоялась 14 октября 1711 года. Дед Шарлотты, правящий герцог Вольфенбюттельский, просил Петра позволить новобрачным провести зиму вместе в его владениях, но Петр ответил, что сын должен принять участие в войне со Швецией. Поэтому всего через четыре дня после свадьбы

Алексею было велено оставить Шарлотту, отправляться в Торн и руководить доставкой продовольственных запасов для русской армии, которой предстояло зимовать в Померании. Вняв просьбе герцога, Петр отложил отъезд Алексея на несколько дней, по истечении которых тот послушно уехал, оставив в одиночестве молодую жену. Через шесть недель она приехала к нему в Торн, но это было унылое место для медового месяца. Шарлотта печально писала матери об опустошении, произведенном здесь войной и зимой. «Дома напротив наполовину сожжены и пусты. А сама живу в монастыре». Она жаловалась на отсутствие светского общества – результат привычки местного дворянства сидеть по своим имениям, а не собираться в городах: «Из-за этого невозможно даже в больших городах найти ни одного приличного человека».

В первые полгода семейной жизни Алексей был предан своей юной жене, и Шарлотта всем говорила, что счастлива. Но дела в хозяйстве царственной четы шли кое-как – в сущности, совершенно сумбурно. Меншиков, навестивший их в апреле, был поражен нуждой, которая одолевала Алексея с Шарлоттой. Он немедленно написал царю о том, что застал Шарлотту в слезах из-за отсутствия денег и что одолжил ей 5000 рублей из армейской казны, чтобы облегчить положение. Петр послал им денег, а потом они с Екатериной лично посетили маленький двор сына после того, как Алексей уехал к армии в Померанию. Подобно многим неопытным женам, Шарлотта близко к сердцу принимала отношения между своим супругом и его родней и писала матери, что ее беспокоит то, как Петр говорит о сыне и как с ним обращается. Однажды она даже принялась умолять Екатерину заступиться за Алексея перед царем.

В октябре 1712 года, к концу первого года своего брака, в течение которого муж почти все время находился при армии, Шарлотта внезапно получила распоряжение Петра отправляться в Санкт-Петербург, устраиваться на новом месте и там ждать мужа. Семнадцатилетняя Шарлотта пришла в ужас – она слыхала страшные вещи про русских и боялась ехать в Россию без Алексея, который бы ввел ее в тамошнее общество и служил бы ей защитой. Ослушавшись Петра, Шарлотта кинулась домой, в Вольфенбюттель.

Царевич отнесся к этому спокойно, но отец его – нет. В письме к Шарлотте Петр осудил ее поведение, хотя и добавил ласково, что никогда не препятствовал бы ее желанию видеть родных, если бы только она известила его заранее. Шарлотта раскаялась и просила ее простить. Петр приехал к ней, дал свое благословение и некоторую сумму денег, и она согласилась вскоре выехать в Петербург. Старый герцог написал Лейбницу: «...Царь гостил у нас на этой неделе... Он был очень ласков с принцессой, привез ей щедрые подарки и просил ускорить отъезд. На следующей неделе она и вправду хочет ехать и, судя по всему, навсегда покинет Европу».

Когда весной 1713 года Шарлотта прибыла в Петербург, Алексея в столице не было, так как он вместе с отцом участвовал в галерном походе вдоль финских берегов. Только в конце лета он приехал в маленький домик на левом берегу Невы, где она поселилась. Встретившись после разлуки, тянувшейся почти год, молодые поначалу были нежны друг с другом, но скоро все пошло кривь и кось. Алексей опять начал страшно напиваться с друзьями, а возвращаясь домой, оскорблял жену на глазах у прислуги. Однажды в пьяном виде он клялся, что рано или поздно оплатит канцлеру Головкину за то, что тот навязал ему на шею такую жену (Головкин вел переговоры о женитьбе), – поотрубает головы его сыновьям и насадит их на колья!

Иногда наутро Алексей вспоминал эти кошмарные сцены и пытался загладить их лаской. Шарлотта всякий раз его прощала, но с каждым повторением раз от разу ее рана становилась все глубже. Потом, всю зиму проводя в беспробудном пьянстве, царевич заболел. Доктора нашли чахотку и предписали лечение в Карлсбаде. Шарлотта была на восьмом месяце беременности и о том, что он уезжает, узнала последней – выходя из дому, чтобы сесть в карету, он сказал: «До свидания. Я еду в Карлсбад». За шесть месяцев его отсутствия она не получила от мужа ни весточки, ни единого письма. 12 июля 1714 года, через пять недель после его отъезда, она родила дочь Наталью, но Алексей никак не

отозвался на эту новость. В ноябре девятнадцатилетняя мать в отчаянии писала своим родителям: «Царевич еще не вернулся. Никто не знает, где он, жив или умер. Я в ужасной тревоге. Все письма, что я посылала ему за последние шесть-восемь недель, вернулись ко мне из Дрездена и Берлина, потому что никому не известно, где он находится».

В середине декабря 1714 года Алексей приехал в Петербург из Германии. Поначалу он прилично вел себя с Шарлоттой и восхищался своей дочерью. Но позже Шарлотта написала родителям, что ее муж вернулся к прежнему и теперь вообще редко у нее появляется. Причиной была Евфросинья Федорова, молодая финка, взятая в плен во время войны и попавшая в услужение к учителю царевича, Вяземскому. Ослепленный страстью к ней, Алексей открыто поселил ее в крыле собственного дома, где и жил с ней как с любовницей.

С Шарлоттой Алексей обходился все хуже и хуже. Он ею совершенно не интересовался. При людях он не только не разговаривал с ней, но изо всех сил старался держаться от нее подальше. Хотя они и жили в одном доме, апартаменты Алексея располагались в левом крыле, где он поселил Евфросинью, а Шарлотта с ребенком занимала правое крыло. Он видел ее раз в неделю, когда мрачно являлся исполнить супружеский долг в надежде произвести на свет сына и тем закрепить свои права на престол. Все остальное время царевич оставался невидим для жены. Он бросил ее без денег и так мало заботился о ее благополучии, что дом пришел в ветхость и дождевая вода протекала сквозь крышу в спальню Шарлотты. Слухи об этом дошли до царя, и тот в гневе и омерзении разбил сына за то, что он пренебрегает женой. И, хотя не Шарлотта рассказала обо всем Петру, Алексей злобно набросился на жену за то, что она обогала его перед отцом. Все эти выходки царевича, все его чудовищные запои, как и бесстыдную наглость Евфросиньи, Шарлотта сносила молча и смиренно, горько рыдая у себя в спальне; у нее не было даже друзей, кроме одной-единственной немки-фрейлины, которую принцесса привезла с собой.

Шло время, и здоровье Алексея стало слабеть. Он бывал пьян почти непрерывно. В апреле 1715 года его без чувств вынесли из церкви – он был так плох, что его не решились переправить домой через Неву и оставили на ночь в доме одного иностранца. Шарлотта ездила к нему и позже писала с состраданием: «Я приписываю его болезнь посту и большому количеству спиртного, которое он выпивает ежедневно, ведь он всегда пьян».

Тем не менее Шарлотте выпадали и счастливые минуты. Алексей обожал дочь, и каждый знак любви к ребенку согревал сердце матери. 12 октября 1715 года целенаправленные супружеские труды дали результат: родился второй ребенок, на этот раз сын, которого Шарлотта назвала Петром, как обещала свекру. Но это событие, благодаря которому укрепились права ее мужа на престол, стало последней услугой, которую оказала России и своему мужу несчастная германская принцесса. Изнуренная горем и беременностью, она споткнулась и упала накануне родов. Через четыре дня после рождения сына Петра у нее открылась горячка. Шарлотта поняла, что умирает, и попросила позвать царя. Екатерина прийти не смогла, но Петр, хотя и сам болел, явился в кресле на колесах.

Вебер оставил нам описание смерти Шарлотты: «Когда прибыл царь, принцесса простилась с ним в самых трогательных выражениях и вверила своих двух детей и слуг его заботам и защите. После этого она поцеловала детей так нежно, как только можно вообразить, исходя слезами, и передала их царевичу, который взял их на руки и отнес в свои покои, но более не вернулся. Тогда она послала за своими слугами, которые простерлись на полу в передней и молили небеса помочь их умирающей госпоже в ее последние минуты. Она утешила их, дала им некоторые увещания и свое последнее благословение, а затем пожелала остаться наедине со священником. Врачи пытались уговорить ее принять какие-то лекарства, но она отбросила склянки за кровать и сказала с отчаянием в голосе: „Не мучьте меня больше, дайте умереть спокойно, я не хочу жить“. Наконец, 21 октября, проведя в жарких молитвах весь день до 11 часов вечера, испытав в последние пять дней самые жестокие боли, она рассталась со своей несчастной жизнью на двадцать первом году, пробыв замужем четыре года и шесть дней. Ее тело, согласно ее воле, погребли не бальзамируя, в большой церкви в крепости, куда его отнесли с погребальными почестями, подобающими ее

рождению».

О Шарлотте горевали недолго. На следующий день после ее похорон царица Екатерина родила сына. Так за неделю Петр приобрел двух потенциальных наследников, причем обоих нарек Петрами – внука, Петра Алексеевича, и своего собственного новорожденного сына. С рождением второго маленького Петра радость и гордость царя тут же смыли всякую печаль по жене царевича. Он с безудержным ликованием писал Шереметеву: «Бог послал мне нового рекрута», – и пошли пиры, продолжавшиеся восемь дней. 6 ноября новорожденного царевича крестили, его восприемниками у купели были короли Дании и Пруссии. Празднества, по словам Вебера, включали и обед: «...На мужской стол подали пирог, из которого, когда его вскрыли, вышла хорошо сложенная карлица, совершенно голая, кроме головного убора и нескольких красных бантиков. Она обратилась к компании с изящной речью, налила в несколько стаканов вина, которое у нее было припрятано в пироге, и провозгласила несколько здравий». На дамский стол таким же образом подали мужчину-карлика. Когда настали вечерние сумерки, застолье прервалось и вся компания отправилась на острова, где были устроены великолепные фейерверки в честь младенца-царевича.

Среди такого ликования смерть принцессы Шарлотты и рождение ее сына остались почти незамеченными. Но в будущем тихая немецкая принцесса получила своего рода посмертный реванш. Всеми прославляемый и обожаемый Петр Петрович, дитя Петра и Екатерины, дожил только до трех с половиной лет, в то время как Петр Алексеевич, сын Шарлотты, стал Петром II, российским императором.